

УДК 343.8(470.51)(091)(045)

*А.А. Шепталин***КОЛЛИЗИИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА МЕСТАМИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ УДМУРТИИ В 1920–1930-х годах**

Целью статьи стала попытка выявления основных проблем становления в период между двумя войнами прокурорского надзора за местами лишения свободы на территориях, входящих сегодня в состав Удмуртской Республики. Научная новизна исследования заключается в привлечении ряда архивных материалов из числа прокурорских отчетов 1920–1930-х годов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот. Проведенный обзор позволяет выделить три основных причины затянувшегося становления прокурорского надзора за местами лишения свободы в Вотской (Удмуртской) АО в 1920–1930-е годы. Во-первых, это затянувшееся становление самой пенитенциарной системы, необходимость которой долго ставилась под сомнение в связи с предполагавшимся скорым построением социалистического общества и ожидавшейся окончательной победой пролетариата и трудового крестьянства над классовыми врагами. Второй причиной можно назвать перманентные партийные, наркомюстовские и внутренние прокурорские чистки прокурорско-следственных кадров в 1925, 1927, 1929, 1932, 1934 и 1937–1938 годах, способствовавшие регулярному вымыванию получавших опыт работников из системы прокурорского надзора. Третьей причиной можно определить продолжительное отсутствие системной профессиональной подготовки прокурорско-следственных кадров, которая многие годы осложнялась политикой «коренизации» и «пролетаризации» органов наркомюста.

Ключевые слова: прокурорский надзор, пенитенциарная система, места лишения свободы, исправительно-трудовая колония, коллективизация, репрессии, амнистия.

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-572-578

Актуальность заявленной темы обусловлена практически полной неосвещенностью в историографии процессов становления и развития прокурорского надзора за местами лишения свободы в Удмуртии, а также малой степенью изученности различных аспектов функционирования прокурорского надзора и пенитенциарной системы на территории Удмуртии в целом. Так сложилось, что многочисленные научные публикации, посвященные деятельности региональной прокуратуры, главным образом замыкаются в рамках вопросов ее возникновения и становления [5-7; 9; 10].

Ввиду назревшей необходимости расширения объектно-предметной сферы исследований целью данной статьи стала попытка выявления основных проблем становления и развития прокурорского надзора за местами лишения свободы на территории Вотской (Удмуртской) автономной области и «удмуртской» части Сарапульского округа Уральской области в 1920–1930-х гг. Дополнительной задачей выступает общая характеристика исправительных учреждений того периода, их локации, а также быта и условий содержания в них заключенных.

Научная новизна исследования заключается в привлечении ряда архивных материалов из числа прокурорских отчетов, в большинстве своем впервые вводимых в научный оборот.

Важно отметить, что надзор за местами лишения свободы – попечение о «колодничьих» и «арестантских» делах – входило в функционал российской прокуратуры практически изначально, с появления в 1733 г. именного указа императрицы Анны Иоанновны «О должности прокурора».

В правление Екатерины II с началом губернской реформы и расширением системы органов прокуратуры губернский прокурор в числе многочисленных обязанностей имел попечение «о прокормлении под стражею содержащихся, и чтоб дела сих людей скорее решение получили, и они бы скорее отправлены, или выпущены были; и для того губернский прокурор должен ходить чаще по тюрьмам по крайней мере единожды в неделю, а именно: по пятницам после обеда, дабы посмотреть состояние в тюрьме содержащихся, и доходит ли до них все то, что им определено, и содержат ли их сходственно их состоянию и человеколюбию» [8. С. 26]. Ежемесячно губернские прокуроры должны были направлять в столицу генерал-прокурору «перечневую» о колодниках со сведениями об их питании, условиях содержания и соблюдении требования раздельного содержания обвиняемых от «присужденных к наказанию».

Судя по отчетам помощников прокурора по Глазовскому и Сарапульскому уездам Вятской губернии, в силу объективных причин прокурорский надзор за местами лишения свободы долгое время

ограничивался лишь формальным просмотром и визированием журналов. Лишь с началом реализации судебной реформы и открытием в губернии в 1874 г. Вятского и Сарапульского окружных судов он стал обретать реальное содержание. В значительной мере это стало возможным в связи с постройкой в конце XIX в. в Сарапуле и Глазове новых зданий тюремных замков на 400 и на 200 человек соответственно, что позволило привести в нормативное состояние условия содержания большинства заключенных.

Эти условия значительно ухудшились в период революции 1905–1907 гг., вследствие чего министр юстиции – генерал-прокурор И.Г. Щегловитов, будучи не в состоянии повлиять на улучшение ситуации с тюрьмами и местами каторги, предписывал в 1908 г. прокурорам судебных палат расследований по жалобам заключенных не производить, а передавать их, по принадлежности, губернатору или губернскому тюремному инспектору, так как проблема могла быть решена лишь при финансировании из губернского и земского бюджетов [1. Д. 115, л. 15]. Увеличение числа лиц, осужденных в революционные годы на каторгу, привело к переполнению каторжных центров Сибири, в связи с чем партии арестантов подолгу задерживались в тюрьмах на этапах в ожидании отправки по месту каторжных работ. В 1908 г. это повлекло высокую смертность среди арестантов из-за вспышки в местах заключения эпидемии тифа.

События Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей Гражданской войны способствовали существенному реформированию как российской пенитенциарной системы, так и прокуратуры, воссозданных в новом качестве в 1921 и 1922 гг. соответственно. Несмотря на то, что современные УФСИН по УР и прокуратура УР ведут свое происхождение с этого времени, в начале 1920-х гг. они стали не новыми, а лишь возрожденными институтами, с большим трудом налаживавшими прежнее взаимодействие в системе правоохранительных органов края.

Одно из первых мероприятий, с которого начал свою деятельность первый прокурор Вотской АО (далее – ВАО) Г.И. Немытых, – это создание в 1923 г. специальной комиссии для организации борьбы со взяточничеством, размеры которого в области были без преувеличения огромны. За взятку можно было решить большинство вопросов практически на любом уровне. Достаточно сказать, что, например, караульные Ижевского исправительного дома за мзду выпускали заключенных на продолжительное время «под расписку» о возвращении [2. Д. 3, л. 345-345об.]. Ещё одним сложным направлением работы было противостояние массовым злоупотреблениям со стороны органов милиции, особенно после января 1924 г., когда ужесточилась борьба с нелегальным производством, хранением и сбытом спиртных напитков и спиртосодержащих веществ, а санкции увеличились до трех лет лишения свободы.

Для разгрузки переполненных мест заключения в честь трехлетия образования ВАО была проведена масштабная амнистия рабочих и беднейших крестьян, «впавших до 27 февраля 1924 г. в преступления случайно, по малосознательности, или под давлением тяжелых материальных условий» [2. Д. 14, л. 108].

По штатному расписанию 1924 г. прокурор ВАО имел 10 помощников. Четвёртый помощник (сначала И.Ф. Широких, затем А.Е. Кодацкий) давал заключения по делам уголовно-кассационного отделения облсуда, составлял заключения и протесты в порядке надзора, осуществлял надзор за местами заключения, участвовал в заседаниях областной распредкомиссии, вел через общую канцелярию книгу жалоб и заявлений заключенных. Вскоре к его обязанностям прибавилась учебно-воспитательная работа в местах заключения посредством докладов, лекций и бесед по общественно-политическим и правовым вопросам. В порядке надзора он должен был посещать исправдом в Ижевске еженедельно, а в Глазове дважды в месяц, по факту же получалось в два раза реже. В Можгинском уезде дом заключения был обустроен только к 1926 г. в с. Можга в переделанном каменном двухэтажном здании, изначально рассчитанном лишь на 14 человек.

Практически во всех прокурорских отчетах первой половины 1920-х гг. неизменно проходит информация, что исправдома повсеместно переполнены, требуют ремонта и что «кормить заключённых нечем». Поскольку реально повлиять на улучшение ситуации прокуратура была не в состоянии, то ограничивалась рекомендациями, например, такими: «Обратить внимание следорганов и органов дознания на необходимость осторожного применения меры пресечения – содержания под стражей, применяя её в исключительных случаях... Повести решительную борьбу с долговременным содержанием под стражей... Принять меры к отделению несовершеннолетних, содержащихся под стражей, от взрослых. Не допускать привилегий по сравнению с рабочими и крестьянами нашим классовым вра-

гам. Рекомендовать следователям избегать поручителей имущественного и денежного залога со стороны лиц враждебного нам класса» [2. Д. 14, л. 46об.].

Глазовский исправдом хотя и требовал капитального ремонта, но соответствовал своему прямому назначению и был переуплотнен не столь значительно – 275 чел. на 200 мест. Иное дело Ижевский исправдом, который размещался в овраге за городской чертой и был приспособлен из двух одноэтажных кирпичных «сараев», где были устроены мужское и женское отделения. Небольшой двор был обнесен ветхим дощатым забором, а кухня располагалась во дворе под навесом. При номинальной вместимости в 110 человек в середине 1926 г. фактически содержалось 458 [2. Д. 58, л. 92], из которых более половины спали на бетонном полу. От скученности, сырости, духоты, паразитов и всевозможных болезней, жизнь заключенных, по словам из прокурорского отчета, превращалась в кошмар. Закономерно, что многие осужденные при малейшей возможности, рискуя жизнью, отваживались на побег, а подследственные объявляли голодовки в случаях затянутости сроков следствия [2. Д. 50, л. 101-102]. Прокуратура, как могла, добивалась улучшения условий и настаивала на организации «в овраге исправдома» бани и лазарета на 20 коек. По признанию облпрокурора, в силу направленности основного внимания надзора на общее состояние мест заключения долгое время практически не освещались такие важные вопросы, как проведение исправительно-трудовой политики и законность содержания под стражей [2. Д. 100, л. 120].

В ноябре 1926 г. в Ижевске при облотделе ОГПУ была открыта камера для временного содержания следственных заключенных, которая практически единственная на тот момент не вызывала нареканий со стороны облпрокуратуры в плане условий содержания контингента [2. Д. 58, л. 62]. С этого времени на основании инструкции ГПУ от 1.11.1922 г. и ряда приказов ГПУ 1923–1924 гг. к надзору прокуратуры ВАО за производством органами ОГПУ дознания и следствия добавился надзор за камерой временного содержания [2. Д. 15, л. 5-7об.].

В Сарапуле вместо сожженного в годы революции тюремного замка под исправдом был переоборудован мужской Иоанно-Предтеченский монастырь на Старцевой горе, прежних обитателей которого просто разогнали. Храмовые помещения стали использоваться для хозяйственных нужд, а в 16 монашеских кельях были размещены около 215 срочных и подследственных заключенных (на август 1924 г.), в том числе одна келья использовалась для содержания 12 осужденных женщин [3. Д. 12, л. 125об.].

О том, как была поставлена работа в Сарапульском исправдоме, говорит примечательный факт, что отделом ОГПУ там была выявлена деятельность осужденного за фальшивомонетничество П. Андреева, который, даже отбывая наказание в переполненной камере исправдома, продолжительное время продолжал выработать фальшивые купюры [3. Д. 26, л. 1-1об.].

Распределительные комиссии с учетом переполненности исправдомов старались активно практиковать условно-досрочное освобождение или заменяли лишение свободы принудительными работами, причем, по оценке прокуратуры, зачастую без должного учета «...степени проявленного осужденными исправления, тяжести совершённого ими преступления, круто изменив в некоторых взятую линию карательной политики...» [2. Д. 58, л. 92 об.-93].

Неприглядная картина с местами заключения была характерна для всех регионов страны, поэтому в ноябре 1926 г. президиум ВЦИК был вынужден обратиться с призывом поручить распределительным комиссиям краев, губерний, республик и областей в месячный срок рассмотреть дела всех содержащихся в местах лишения свободы по приговорам судов и трибуналов и в отношении лиц, не являющихся социально опасными, применить условно-досрочное освобождение или заменить лишение свободы принудительными работами без содержания под стражей. Какое-либо сокращение сроков лишения свободы при этом не предусматривалось [3. Д. 42, л. 165].

1927-й стал годом большого разочарования населения в советской власти, причём даже среди тех, кто ранее поддержал ее с оружием в руках. Крестьяне, не довольные низкими закупочными ценами на хлеб, стали его придерживать. Поскольку самогоноварение усугубляло дефицит хлеба, наркомюст РСФСР, особо выделив наряду с несколькими губерниями Вотскую автономную область, объявил начало нового этапа борьбы с кумышководарением и тесно связанными с ним пьянством и хулиганством. Агитационные методы работали недостаточно эффективно – «самогонщики» на какой-то момент оказались самой многочисленной категорией в исправдомах.

Большим социально-политическим событием конца 1927 г. стала первая для советской страны масштабная амнистия в честь 10-й годовщины Октябрьской революции, под которую попадал широ-

кий спектр граждан, в том числе и лица, осужденные за контрреволюционную деятельность, имевшую место во время гражданской войны по 1 января 1923 г. Распоряжениями местных губернских, краевых, областных и соответствующих им прокуроров осужденные и подследственные лица освобождались вне зависимости от отбытого ими срока лишения свободы. Незаконченные дела такого рода подлежали прекращению, чем воспользовалась часть скрывавшихся до того от органов ОГПУ бывших белогвардейцев. Государство прощало старые прегрешения за истечением срока давности и освобождало тюрьмы, готовясь к новому этапу классовой борьбы, связанному с началом индустриализации и коллективизации.

В ходе развернувшегося на селе противостояния исправдома заполнились подследственными лицами, поскольку органами дознания и следствия в качестве меры пресечения избиралось преимущественно содержание под стражей в отношении правонарушителей из числа кулацко-зажиточной части деревни, совершивших преступления на почве обострения классовой борьбы, включая убийства, нанесение тяжких телесных повреждений и групповые изнасилования. Мест совершенно не хватало, а потому уже не могло быть и речи о разведении по разным камерам срочных и следственных заключенных, осужденных со строгой изоляцией и без таковой, взрослых и несовершеннолетних, рецидивистов и осужденных впервые, здоровых и больных инфекционными заболеваниями.

Чтобы хоть как-то разгрузить исправдома, заключенных при одном конвоире отправляли партиями по 10–20 человек на лесозаготовки, причём с грубейшими нарушениями. Например, иногда отправляли приговоренных к строгой изоляции и даже к высылке из ВАО. По словам облпрокурора Н.И. Козловского, «заключенные, проживая в лесу в особо отведенных бараках, с одной стороны остаются без всякого культурно-просветительного воздействия, а с другой стороны, будучи предоставленными почти самим себе, учиняют с работ частые побеги и самовольные отлучки. Отлучающиеся иногда появляются на свободе, в городе и в деревне, на глазах знающих их людей, терроризируют выступавших по делу свидетелей, осыпают угрозами потерпевших и тем самым создают резкое возмущение общественного мнения» [2. Д. 157, л. 51].

Прокуратура ВАО приносила протесты на решения распределительной и наблюдательной комиссий, часто отступавшим от норм закона в стремлении применить условно-досрочное освобождение к тем, кто его не заслуживал. Эти протесты, однако, растворялись в общем хаосе многочисленных нарушений и кадровых чисток от «чуждого элемента» в 1927–1929 гг., в результате чего надзор за местами лишения свободы осуществлялся лишь номинально. «Неудовлетворительность», а по некоторым аспектам даже «полное отсутствие» прокурорского надзора за местами лишения свободы констатировались по результатам проверки органов юстиции ВАО наркомюстом РСФСР в октябре 1930 г. [2. Д. 200, л. 37об.], одновременно требовавшим более активного проведения в области политики «коренизации» прокурорско-следственных кадров, хотя образовательный уровень коренного населения республики, проживавшего преимущественно в сельской местности, был еще довольно низким.

Несмотря на очередную амнистию, проведенную в ВАО в 1930 г. «в ознаменование» 10-летия области, контингент мест лишения свободы неуклонно прирастал. В Ижевском исправдоме ситуация медленно улучшалась, но по-прежнему оставляла желать лучшего практически по всем параметрам. Год за годом результаты очередных прокурорских проверок констатировали в исправдомах, колониях и изоляторах как прежние «безобразия» – прием лиц без соответствующего постановления, приговора суда, санкции прокурора, так и новые, касавшиеся проволочек с условно-досрочным освобождением и рассмотрением жалоб заключенных, нарушением норм питания, ослаблением учебно-воспитательной работы, необоснованным раздуванием административных штатов и др. [2. Д. 246, л. 131-133; Д. 341, л. 218-220].

Расположенная в лесной зоне к северо-западу от Ижевска исправительно-трудовая колония разрослась с нескольких бараков до крупного лагеря, в котором содержалось уже около 2000 заключенных. В 1931 г. было принято решение об ее организационном обособлении от Иждомзака, руководство которого, пребывая в городе, «от массы заключенных было оторванным и вся полнота руководства находилась лишь в руках младшего командного состава, лишённого партийной прослойки» [2. Д. 246, л. 131]. Все заключенные были заняты на древо- и лесозаготовках, а заключившая договор с Ижлеспромхозом колония превратилась в основного поставщика дров для ижевских заводов.

В связи с подготовкой нового исправительно-трудового кодекса, в 1933 г. в значительной мере изменился вектор директивных писем и циркуляров за подписью прокурора РСФСР А.Я. Вышинского. Теперь это были требования о наведении порядка в местах лишения свободы органами прокуратуры

ры, которые ранее «нередко сами являлись в лучшем случае безучастными зрителями совершаемых перед их глазами безобразий и преступлений, а в отдельных случаях были и непосредственными их участниками» [2. Д. 8, л. 83]. Несмотря на, казалось бы, удручающее состояние пенитенциарных учреждений, размещавшихся на территории ВАО, переименованной с января 1932 г. в Удмуртскую АО (далее – УАО), она не попала в число указанных А.Я. Вышинским краёв, республик и областей, в которых были отмечены «выходящие из ряда вон безобразия». Очевидно, подобная неприглядная картина была характерна для большинства регионов страны.

Для наведения порядка прокурорам предписывался широкий круг задач, в том числе пресечение расхищения и разбазаривания предназначенных для заключенных фондов, надзор за состоянием и обращением с заключенными, условиями и законностью их содержания в заключении и под стражей. Особо подчеркивалась необходимость привлечения «к самой суровой ответственности как лиц из состава администрации ИТУ и арпомещений, так и лиц прокурорского надзора за бездеятельность, волокиту и бюрократизм, издевательство над заключёнными, а также осуждёнными к исправтрудооботам и ссылкой» [2. Д. 8, л. 86].

Специально созданная в УАО межведомственная комиссия в июне 1933 г. занялась «разгрузкой» мест лишения свободы. После рассмотрения личных дел она рекомендовала к условно-досрочному освобождению или к замене заключения «исправтрудооботами» большую группу заключенных, состоявшую преимущественно из лиц пожилого возраста, инвалидов и женщин с малолетними детьми. Часть заключенных была направлена по этапу в другие регионы. Благодаря этим мероприятиям, до конца 1933 г. домзаки, ИТК и изоляторы УАО покинуло более тысячи человек [2. Д. 14а, л. 33].

Новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР был утвержден 3 августа 1933 г., и прокуроры, осуществлявшие надзор за местами лишения свободы, приступили к проверке надлежащего исполнения исправительно-трудового законодательства. В УАО после проверки личного состава мест заключения было «вычищено вследствие непригодности» значительное количество административного персонала, например, в ижевском изоляторе около 60 % [2. Д. 9, л. 30]. Кроме того, получило дополнительное развитие привлечение к дисциплинарной и уголовной ответственности райпрокуроров, работников ОГПУ и начальников райотделений милиции за необоснованное содержание в изоляторах и в камерах привода, за продолжавшуюся практику несанкционированных арестов, которые, надо заметить, уже не носили столь массового характера, как в 1927–1932 гг. Тем не менее прокурорские проверки вскрывали все новые злоупотребления, например, со стороны нарследователей, умышленно квалифицировавших, например, должностные преступления по контрреволюционным статьям, что предоставляло возможность заключения под стражу без должных оснований [2. Д. 18, л. 45].

На протяжении лета 1933 г. произошел существенный сдвиг в функционировании мест лишения свободы на территории Удмуртии – улучшились условия содержания и питание, усилилась политико-воспитательная работа с заключенными, возобновили работу различные кружки и стенгазеты, а в конечном итоге заметно сократилось число побегов и жалоб.

Вследствие перехода в октябре 1934 г. всех исправительно-трудовых учреждений в ведение только что созданного НКВД СССР актуализировался ряд вопросов по содержанию в местах заключения. Были приняты документы, регламентировавшие порядок осуществления надзора за этапированием заключенных, который конкретизировал обязанности прокуроров и их ответственность «за ненормальности в деле этапирования». Ввиду практиковавшейся «незаконной, напрасной, бесцельной» пересылки заключенных из одного места в другое прокуроры, осуществлявшие надзор за местами лишения свободы, были подключены к работе повсеместно создаваемых отборочных комиссий и получили право приостанавливать необоснованные решения комиссий об этапировании заключенных, «осужденных к ссылке, к содержанию в трудпоселках, кассационных, а также лиц с неоформленными должным образом приговорами» [4. Д. 11, л. 130].

Так как условно-досрочное освобождение с января 1935 г. было наблюдательными комиссиями приостановлено, теперь особое внимание приходилось уделять соблюдению прав различных категорий заключенных. Отдельная проблема возникла с несовершеннолетними преступниками, которых, случалось даже 12-летних, народные суды осуждали к ИТК, а колонии их не принимали из-за недостаточного возраста [4. Д. 12, л. 48-48об.; Д. 20, л. 52].

В 1935 г. прокуратура включилась в процесс пересмотра дел по печально известному «закону о трех колосках», так как по ним на уровне руководства страны было признано наличие огромного количества перегибов и следственно-судебных ошибок. До конца 1935 г. судимость снималась с кол-

хозников, «осужденных к лишению свободы на срок не свыше 5 лет либо иным более мягким мерам наказания и отбывших данное наказание или досрочно освобожденных до настоящего постановления, если они в настоящее время добросовестно и честно работают в колхозах...» [4. Д. 11, л. 171].

Принятые меры, а также амнистия в честь 15-летия удмуртской автономии существенно разгрузили исправительно-трудовые учреждения и способствовали снижению репрессивной политики даже по чисто криминальным статьям, например, хулиганству и нанесению телесных повреждений. Однако уже вскоре, в 1937–1938 гг., развернулась очередная, еще более масштабная волна репрессий. В этот период работа по надзору за местами лишения свободы не только возросла в объеме, но и многократно осложнилась, так как чистки и аресты коснулись и наиболее подготовленных кадров аппарата прокуратуры Удмуртии во главе с прокурором П.А. Красильниковым. В короткий срок 4 тюрьмы и 3 колонии ГУЛАГа НКВД, функционировавшие на территории УАССР, переполнились следственными заключенными, большинство которых содержалось с огромным числом самых разных нарушений, в том числе процессуальных сроков.

Со стабилизацией ситуации в конце 1938 г. перед прокуратурой УАССР развернулся новый фронт работы. Во исполнение директив наркомюста РСФСР и прокурора РСФСР совместно с Верховным судом УАССР и наркомюстом УАССР дважды был проведен пересмотр уголовных дел колхозного и сельского актива за 1934–1937 гг. При пересмотре дел в отношении 8 741 чел. 57 % дел было оставлено без изменений, по 18,3 % дел было возбуждено ходатайство перед Верховным Советом РСФСР о снятии судимости, 2,1 % дел направили в нарсуды для снятия судимости, 8,2 % дел направили в Верховный Суд РСФСР для рассмотрения о снятии судимости, а ещё 14,4 % дел было направлено в нарсуды для применения акта амнистии в честь 15-летия УАССР [4. Д. 67, л. 118-121]. В связи с проведённым освобождением, а также массовым вывозом в 1939 г. из республики большого количества заключенных на стройки народного хозяйства, были ликвидированы Лумповская, Балезинская и Пастуховская ИТК, а Областовская была объединена с Увинской [4. Д. 73, л. 34].

Проведенный краткий обзор позволяет выделить три основных причины затянувшегося становления прокурорского надзора в местах лишения свободы на территории Удмуртии в 1920–1930-е гг. Во-первых, это затянувшееся становление самой пенитенциарной системы, необходимость которой долго ставилась под сомнение центральной властью в связи с предполагавшимся скорым построением социалистического общества и ожидавшейся окончательной победой пролетариата и трудового крестьянства над классовыми врагами. Второй причиной можно назвать перманентные партийные, наркомюстовские и внутренние прокурорские чистки прокурорско-следственных кадров в 1925, 1927, 1929, 1932, 1934 и 1937–1938 гг., способствовавшие регулярному вымыванию получавших практический опыт работников из системы прокурорского надзора. Третьей причиной можно определить продолжительное отсутствие системной профессиональной подготовки прокурорско-следственных кадров, которая многие годы осложнялась политикой «коренизации» и «пролетаризации» органов наркомюста, вследствие чего образовательный уровень прокурорских работников оставался крайне низким. Лишь в 1938–1939 гг. в органах прокуратуры УАССР окончилась кадровая чехарда и был налажен механизм заочного получения среднего и высшего юридического образования, что позволило вскоре приблизить качество прокурорского надзора за местами лишения свободы к нормативным требованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 125. Товарищ прокурора Вятского окружного суда по Глазовскому уезду, 1874–1918 гг. Оп. 1.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-357. Прокуратура Вотской автономной области, 1922–1934 гг. Оп. 1.
3. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-634. Прокуратура Сарапульского округа Уральской области, 1923–1930 гг. Оп. 1.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-635. Прокуратура Удмуртской АССР, 1935–1988 гг. Оп. 1.
5. Войтович В.Ю., Тронин А.А. Организационно-правовое становление и развитие прокуратуры в Удмуртии // Право: теория и практика. Ижевск, 2002. С. 66–74.
6. Войтович В.Ю., Козлова Л.Н. Прокуратура Удмуртии: становление и развитие. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2019. 261 с.
7. Козлова Л.Н. Образование прокуратуры в Удмуртской Республике (1920-1924 гг.) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26, вып. 5. С. 105–108.

8. Лавров В.В., Ерёмин А.В., Иванова Н.М. Прокуратура Российской империи в документах, 1722–1917: хрестоматия. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. 172 с.
9. Шепталин А.А. К вопросу об организационно-правовых истоках прокуратуры Удмуртии: органы прокуратуры Вятской губернии в XIX–начале XX века // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2021. Т. 31, вып. 6. С. 1113–1121.
10. Шепталин А.А. Прокуратура Удмуртской Республики: Вехи истории. Ижевск: МарШак, 2022. 372 с.

Поступила в редакцию 01.04.2022

Шепталин Алексей Александрович, кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: sheptalin@list.ru

A.A. Sheptalin

COLLISIONS OF THE FORMATION OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OF PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY IN UDMURTIA IN THE 1920S-1930S

DOI: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-572-578

The purpose of the article is an attempt to identify the main problems of the formation in the period between the two wars of the prosecutor's supervision of places of deprivation of liberty in the territories that are now part of the Udmurt Republic. The scientific novelty of the research lies in the involvement of a number of archival materials from among the prosecutor's reports of the 1920s and 1930s, most of them introduced into scientific circulation for the first time. The conducted review allows us to identify three main reasons for the protracted formation of prosecutorial supervision of places of deprivation of liberty in the Votskaya (Udmurt) Autonomous Oblast in the 1920s-1930s. Firstly, it is the protracted formation of the penitentiary system itself, the necessity of which was long been questioned in connection with the anticipated imminent construction of a socialist society and the expected final victory of the proletariat and the working peasantry over class enemies. The second reason can be called permanent party, People's Commissariat of Justice and internal prosecutorial purges of prosecutorial and investigative personnel in 1925, 1927, 1929, 1932, 1934 and 1937-1938, which contributed to the regular washing out of employees from the system of prosecutorial supervision. The third reason can be determined by the prolonged lack of systematic professional training of prosecutorial and investigative personnel, which for many years has been complicated by the policy of "korenizatia" and "proletarianization" of the People's Commissariat of Justice.

Keywords: prosecutor's supervision, penitentiary system, places of deprivation of liberty, correctional labor colony, collectivization, repression, amnesty.

Received 01.04.2022

Sheptalin A.A., Candidate of History, Associate Professor
at Department of Theory and History of State and Law
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: sheptalin@list.ru